КАРТИНЫ РУССКАГО БЫТА

СѢРЕНЬКАЯ

I. Цеховой съ товарищемъ.

Запоздалые огоньки мерцаютъ въ тусклыхъ, маленькихъ окошечкахъ села; кой–гдѣ, при лучинѣ, засиживаетъ рабочая пряха за мычкой, въ одной избѣ тоскливая мать сидитъ надъ умирающимъ ребенкомъ, въ другой – блеклый полусвѣтъ едва пробивается на улицу въ мутное оконце, и лампадка теплится передъ иконой, наканунѣ дня ангела хозяина.

Въ плохой, ветхой избенкѣ ставни притворены и кой–какъ приперты, а въ щели виденъ свѣтъ. На столѣ нагорѣлая сальная свѣча, которая какъ–то не подходитъ къ голымъ стѣнамъ и пустодомству, а будто занесена со стороны. Распустивъ локти и положивъ на нихъ взъерошенную головищу, оборваный мужикъ храпитъ, а на печи слышенъ

удушливый кашель старухи. Дверь тихо, осторожно отворяется, и входитъ низенькій, острорылый цеховой, похожій на вороватую крысу, съ ношей въ мѣшкѣ подъ мышкой. Онъ ремесла, кромѣ воровства, никакого не знаетъ, а побылъ въ работникахъ у какого–то печатника, въ городѣ, въ цеховые жь попалъ потому только, что неволять куда–нибудь приписываться, такъ жить нельзя. Онъ растолкалъ спящаго, заперши напередъ двери за собою на крючокъ, и они стали перешептываться, покашиваясь на печь.

Бабушка Михайлы, пустодомнаго хозяина, который съ похмелья таращилъ сонные глаза на пришельца, не спала, или проснулась, и молча глядѣла на нихъ, спустивъ ноги съ печи. Покачавъ головой, когда внукъ взглянулъ на нее исподлобья, она сказала старческимъ, дрожащимъ голосомъ, въ которомъ однакоже слышалась твердость души и послѣднее, неизмѣнное слово:

— Михайла, ты чтѣ это опять затѣваешь? Этотъ зачѣмъ опять бродитъ около тебя по ночамъ? На доброе дѣло,

небось, сходитесь? Мало тебѣ того, что полтора года просидѣли вы съ нимъ въ острогѣ, еще хочется? А Богъ–то чтѣ? Былъ ты человѣкъ, какъ и другіе люди, сватажился ты съ этимъ, съ нами крестная сила, и пропалъ ты, и съ головой своей! Ни Богу свѣча, ни чорту ожигь....

Михайла очнулся, и перебивъ бабку свою, на слѣпоту которой негодяи понадѣялись, сталъ грубо съ нею браниться; цеховой тотчасъ вмѣшался пролазчивымъ, тонкимъ голосомъ своимъ, устраняя Михайлу и стараясь угомонить вышедшую изъ себя старуху:

— Ты, бабушка, молчи, молчи, щебеталъ онъ и рѣзко, и вкрадчиво, и ядовито, — ты молчи, все помалчивай, молча легче, не твое это дѣло, дѣло мужское, наше, промежь себя, а ты знай свое, сосновый сарафанъ поминай, вѣдь не два вѣка тебѣ жить на свѣтѣ....

— А ты бы напередъ научилъ Михайлу пришибить меня, старуху, да выкинуть вонъ, отвѣчала она, — такъ вотъ бы вамъ и просторъ былъ въ пустой–то избѣ, въ голыхъ стѣнахъ, и дѣлали бы чтѣ хотѣли;

вдолгѣ ли, вкороткѣ, а всѣмъ тамъ быть, въ сосновомъ сарафанѣ, да каково душенькѣ–то нашей будетъ? Ты куда Михайлу–то за собой тянешь, въ петлю? Миша, вотъ тебѣ послѣднее слово: развяжись ты съ бѣсомъ этимъ на семь часѣ, вотъ съ мѣста не сходя, и покинь это дѣло; ты думаешь, слѣпа и не смекаетъ? Покинь, брось, перекрестись, да выгони его; ты слышишь, что ли? Говори, отрекаешься, аль нѣтъ?

— Сиди, молчи на печи, отвѣчалъ тотъ злобно, — не твое дѣло!

— Попутай же тебя Господь, проговорила бабушка мужскимъ старушечьимъ голосомъ, — попутай тебя черезъ хранителя твоего, Архангела, а мнѣ подъ одною матицей съ разбойниками не быть! Не будетъ же тебѣ покою, ни живота, ни смерти, покуда не разсыплется прахомъ послѣдній клочокъ твоего окаяннаго дѣла! Спаси, Господи, погибшую душу!

Она слѣзла съ печи, щупая вышла изъ избы, въ сѣни и на улицу, и побрела по селу, думая, куда теперь идти, гдѣ пріютиться, не слыша на себѣ и холоднаго

ситничка, который моросилъ передъ разсвѣтомъ.

Цеховой махнулъ рукой вслѣдъ за старухой, заперъ опять дверь на крючокъ, и оба принялись за дѣло. Дѣломъ этимъ въ городѣ цеховой заниматься боялся, да у него же и не было тамъ своего угла; ему притомъ нуженъ былъ и помощникъ, и человѣкъ для сбыту товара, нуженъ былъ и темный, глухой уголъ, гдѣ онъ днемъ не показывался и гдѣ бы его никто не сталъ искать; для всего этого онъ приспособилъ себѣ Михайлу и его пустую избенку, гдѣ, кромѣ слѣпой старухи, никого болѣе не было. Снаряды, которые онъ принесъ въ мѣшкѣ, лежали у него зарытые въ лѣсу, а кое–что было спрятано и у Михайлы, въ хлѣвочкѣ, въ которомъ давно уже не бывало ни одной шерстинки. За–ночь у нихъ поспѣли по двѣ сѣренькія на брата, то–есть по двѣ пятидесятныя бумажки, а снаряды до свѣту убраны были по мѣстамъ, и цеховой исчезъ изъ села, будто никогда и не бывалъ тамъ.

И пойдетъ проклятый лоскутъ этотъ по всей Руси, на горе и на гибель многихъ. Гдѣ

полежитъ не узнаннымъ и такимъ же уйдетъ, а гдѣ, наткнувшись на улику, схоронится, притаится, и послѣ многихъ прклятій найдетъ таки роковаго, который поплатится за простоту свою, и въ свою очередь, не чая въ томъ грѣха, охая и вздыхая, станетъ соваться съ нимъ во всѣ концы, покуда не свалитъ бѣды своей на чужую шею. Какъ жгучій уголь, какъ червь, какъ шашень протачивается этотъ лоскутокъ сквозь цѣлый рядъ неповинныхъ, покидая на каждомъ слѣдъ своей злобы и грѣха, покуда наконецъ опять не наткнется на роковаго, который высидитъ за него цѣлые годы въ тюрьмѣ и выйдетъ наконецъ оттуда раззореный, безъ хлѣба и одежи, развращенный острожными товарищами. А много ли найдется даже такъ–называемыхъ порядочныхъ людей, кои, призадумавшись надъ такою бумажкой, рѣшились бы истребить ее, чтобы не было съ нею больше грѣха? помилуйте, да за чтѣ же я на себя поступлюсь, ведь не я ее дѣлалъ, не я виноватъ, что она мнѣ досталась! кинуть ее въ огонь, рука дрогнетъ, сердце захватитъ, а передать такъ или иначе другому, на это

рука не дрогнетъ, и совѣсть промолчитъ; какъ она мнѣ досталась, такъ и ему; какъ я сбылъ, такъ сбывай и онъ!

II. Дѣло въ ходъ пошло.

Какому–то проѣзжему, въ уѣздномъ городкѣ, понадобилось размѣнять крупную бумажку; день былъ торговый, и его послали на базаръ; тамъ нашелъ онъ мужика, который только что продалъ барскій скотъ, довѣренный ему, конечно, какъ человѣку честному, надежному; давъ ему хорошій промѣнъ, проѣзжий размѣнялъ у него сѣренькую, работы цеховаго съ Михайлой.

Итакъ, пошла она, горемычная, по бѣлу свѣту, какъ огонь адскій, безнадежно заливаемый слезами! Черезъ сколько рукъ она уже пополамъ съ грѣхомъ прошла, этого не знаемъ, но на сей разъ дѣло оборвалось на бѣдномъ мужикѣ: помѣщикъ не принялъ отъ него этихъ денегъ, онъ же, не зная какъ быть, кинулся опять въ городъ, и въ простотѣ своей пошелъ кланяться по рядамъ, упрашивая купцовъ

обмѣнять ее, и давалъ придачи; его взяла полиція, какъ завѣдомо сбывающаго поддѣльную бумажку; онъ даже и не отрекался отъ этого, разказывая дѣло какъ оно было: «Мнѣ–де проѣзжій ее подсунулъ, я человѣкъ неграмотный, темный; баринъ осерчалъ, прогналъ меня, говоритъ: гдѣ хочешь возьми деньги, да подай; а я гдѣ возьму пятьдесятъ рублей? У меня ихъ отъ роду не бывало, и я кинулся къ добрымъ людямъ, хоть убытку понесу, говорю, хоть на себя поступлюсь, да лишь бы сбыть!»

Бѣдняка посадили въ острогъ, и началось уголовное дѣло объ Иванѣ Еѳимовѣ, «переводчикѣ фальшивыхъ денегъ». Можетъ–быть, Еѳимовъ, во уваженіе простоты своей, и отдѣлался бы еще кой–какъ, но тутъ случилось вотъ что: какой–то несчастный чиновникъ въ судѣ соблазнился сѣренькою и выкралъ ее изъ дѣла; когда пропажа эта открылась, то пошло объ этомъ новое слѣдствіе, и заведено было «дѣло о выкраденіи изъ производства кредитнаго билета пятидесятирублеваго достоинства»; это дѣло пошло, какъ говорится, кишкой по

урядью, а объ Еѳимовѣ уже и рѣчи не было: онъ сидѣлъ да сѣделъ, въ ожиданіи отысканія виновнаго въ выкраденіи, и самого кредитнаго билета, который между тѣмъ былъ уже далеко, пройдя черезъ много рукъ и натворивъ бездну пакостей.

III. Дьячиха.

— Да, батюшка, много ихъ стало нонче, говорилъ торговый человѣкъ въ синей чуйкѣ, искусно уставивъ чайное блюдечко на три сваи, ущемивъ мизинцемъ той же лѣвой руки кусочекъ сахарцу, прикусывая и прихлебывая, — много добра этого, и не знаешь какъ остеречься, бѣда, да и только.

— А чтъ за бѣда, вмѣшался обычный трактирный посѣтитель на чужой счетъ, — чтъ за бѣда? Деньги нужны народу, а денегъ нѣтъ — ну, какія ни есть, да были бъ только деньги; коли ихъ много, такъ стало-быть онѣ ходятъ, а коли ходятъ, такъ и ладно! Почемъ я знаю какія онѣ?

— Спуста говорить изволите, отвѣчалъ тотъ; — дѣло страшное по себѣ, а еще на комъ такъ ли, сякъ ли оборвется, тотъ-то

за чтѣ муку принимаетъ? Вотъ, послушайте, милости просимъ, присядьте къ намъ, не угодно ли чайку, вотъ послушайте, чтѣ мнѣ недавно довелось видеть. Въ день великомученицы Екатерины, женины именины, надо въ церковь сходить, да ей нельзя, бабушка еще съ постели не спускаетъ, рученецъ не вышелъ, ну, говорю, Богъ проститъ тебя, а я–де схожу, помолюсь и за себя, и за тебя. Пришелъ, церковь пуста, народу почитай нету, и священника нѣтъ еще, одни колокола поютъ. Слышу, въ холодной церкви, въ придѣлѣ, не то плачь какой, не то причитанье, хочу заглянуть, анъ встрѣчу мнѣ здоровая, плечистая баба, подъ большимъ платкомъ, идетъ, словно бѣжитъ, и качается, и спотыкается, вся трясется, ни на кого не глядитъ, словно и глазами не видитъ, да передъ царскими дверьми бухъ, растянулась крестомъ и завыла опять; вопитъ, вопитъ и слова не молвитъ. Знать, сердечная, сына поставляетъ на службу, подумалъ я, а дѣло было вотъ въ наборъ; тутъ опять она вскочила, да къ мѣстному образу, да опять бухъ, передъ нимъ и

заголосила, да оттуда ползкомъ къ образу Богоматери, да подняла тебѣ голосомъ выше колоколовъ! Полежавши тутъ, опять вскочила, опять побрела въ холодную; жалко стало ее; я за нею, чего, молъ, тетка, такъ убиваешся? въ Божьемъ домѣ, во храмѣ милосердіе и успокоеніе удрученныхъ; ты людямъ скажи горе свое, Господь через людей помогаетъ! Ну, такъ–сякъ разговорились, она мнѣ и кажетъ изъ платка сѣренькую, въ 50 рублей: «вотъ, говоритъ, злодей–то истинный, чтъ сдѣлалъ надо мной!» А у самой руки и ноги дрожма дрожатъ. «Вотъ сироту–то убилъ! Копила, копила изъ крохъ, припасала на сыночка, на пору, какъ въ семинарію везти надо будетъ, вѣдь безъ этого у насъ не принимаютъ, да и одѣть его надо, ну, пришла пора, и привезла, и не берутъ, бумажка–то не годится! Вотъ онъ, злодѣй, чтъ сдѣлалъ! Сердце вѣщунъ, вѣдь говорила я Павлу Митрофановичу: не мѣняй, не отдавай ты преосвященнаго благословенія, не бери ты отъ кабачника грѣшныхъ денегъ, проку не будетъ....» и завыла опять голосомъ, припавъ на руки, и

закрутила бѣдовою головушкой.... Стой, молъ, тетка, не вой, послушай ты меня, не вой, служба началась, а ты зайди ко мнѣ послѣ обѣдни, вотъ за угломъ, Мякушкина домъ спроси, всякій укажетъ, заходи, а теперь угомонись! Сидимъ мы эдакъ послѣ обѣдни за чаемъ, говорятъ: баба пришла, дьячихой сказывается — ну, давай ее сюда, въ святъ день нужнаго не забывай. Гляжу, дьячиха моя маленько повеселѣла: за половину взяли, говоритъ она шепотомъ, сбыла, да еше и Богу славу воздала, за такое дѣло! Какъ быть, она, сердечная, чѣмъ виновата; ну, говорю, быть такъ, другая половина за мной, тетка, садись, чайку выпей, да разкажи все, чтѣ и какъ было, благо бѣда миновалась. Вотъ она и начала:

«Облепиху чай знаете? Ну, народъ все почитай Мордва, бѣдность, Русскихъ настоящихъ мало, батюшка вотъ, да мы, дьячокъ Павелъ Митрофанычъ; живемъ въ нуждѣ, трудимся рукъ не покладаючи, ину пору за крестины и попу–то пару лаптей поднесутъ, а намъ чтѣ достанется? Мы вишь всей семьей зайчину выдѣлываемъ,

шубки набираемъ, а старшая дочка вязенки вяжетъ, значитъ, на теплую обувь, такъ и кормимся: ину пору и жаль малыхъ–то: мамонька, шейка отъ этой работы болитъ, и пальцы всѣ спицами отбило; да дѣлать нечего, потрудись, говорю, Богъ труды любитъ, отца пожалѣй, а вотъ подростешь, ситичку на московскій сарафанчикъ куплю. Ну, вотъ одинъ–то разъ я, у окна сидя, подбираю зайчину, глянула, попадья по–воду пошла, и говорю доченькѣ: ступай–ка и ты, Пашутка, съ ведерками, поразгуляешся маленько; глянула еще, что–то больно тихо, не весело идетъ попадья, ну, молъ, знать опять у нихъ не ладно; я, сударь, вотъ и дьячиха, а не позавидую ей, такое житье и подумала, хоть поразговорю я ее маленько, и сама взяла ведра, и пошла за нею; поклонились мы, а у нея слезы, что твой горохъ, такъ и сыплятся! Ну, вотъ мы, поговоривъ, да потуживъ съ нею, идемъ отъ воды–то, глядимъ, карета ѣдетъ и прямо–таки къ церкви: тутъ два монаха вышли, третьяго, добре стараго, изъ кареты подъ руки принимаютъ, ведутъ на поповскій дворъ, а тутъ имъ поперекъ встрѣчу

попадья моя съ ведрами, а я стою, гляжу; ужь признала ль она его, аль вѣщее заговорило, только задрожала она вся, да такъ съ полными ведрами ему въ ноги и чебурахнулась, и окатила ихъ всѣхъ! Владыка это, ахнула я, батюшки свѣты, владыка! Бѣгу домой, анъ словно вотъ ноженьки спутаны, ни съ мѣста! Митрофанычъ, преосвященный! А онъ только выпучилъ на меня глаза; аль застылъ ты, кричу я, слышь, владыка у попа! А сама хвать–похвать зайчину–ту, лоскутья, обрѣзки, — я хватаю, а она валится изъ рукъ! Пашутка подскочила помочь, а пылища–та, пылища въ избѣ такъ столбомъ и стоитъ!

«А гдѣ дьячокъ? словно страшною трубой раздался голосъ, а я и не слыхала въ попыхахъ, какъ дверь отшатнулась! Гляжу, владыка въ дверяхъ! Дьячокъ мой въ ноги, я съ ребятишками туда жь, того толкну, этого пихну, а малые–тѣ въ ревъ, перепугались, глупы еще, А пылища–то, пылища, такъ вотъ туча тучей изъ угла въ уголъ и суется!

«А вставай–ка дьячок, говоритъ владыка, у попа у васъ не здорово, погляжу на тебя, какъ тебя ноги держатъ! Какъ вскочитъ мой Митрофанычъ, да прямо передъ владыку рожей–то, и дохнулъ на него: а въ моем–то спокону и духу хмельнаго не бывало; я, говоритъ, преосвященнѣйшій, отъ роду родясь окаяннаго въ ротъ не биралъ, и зарокъ родительскій на это принялъ! Ладно–де, доброе дѣло, говоритъ владыка, коли завѣтъ родительскій помнишь, да съ попа своего образца не берешь. Ну, дьячиха, говоритъ, унимай ребятъ своихъ, да принимай гостя!

«Ахъ ты кормилецъ, нешто заправду? И чтль за благодать, владыка у насъ въ дому! А домъ–то, словно на грѣхъ, весь крошевом зайчины, обрѣзочками заваленъ, по–полу–то рубежокъ на рубежкѣ, вишь малый да подмалый тюфякъ набивали, да такъ все и покинуто, и убрать не поспѣли! А владыка говоритъ: это–де не соръ, коли онъ у васъ на дѣло идетъ, а добро; я люблю коли кто работаетъ, даромъ хлѣба не ѣстъ. Я туда–сюда, за самоваришкомъ, а онъ сѣлъ на

крылечко, да распытуетъ Митрофаныча: каково живете, да чѣмъ промышляете, а мой–то ему что Богу открываться, вотъ такъ и такъ, приходъ бѣдный, и попу–то едва на хлѣбъ достанется.... А на вино достается? перебилъ его владыка.... мой–то такъ и остылъ, и языкъ прикусилъ; ну, говори, говори, сказалъ владыка. Скорняжимъ намалѣ, преосвященнѣйшій, а дѣвчужки, старша да подстарша, вязенки, теплу обувь купцу поставляютъ, а сынокъ, съ середнею, помогаетъ мнѣ подбирать, этимъ, благодаря Бога, кормимся. А много ли, спрашиваетъ владыка, въ годъ заработаешь? Да рублей молъ съ тридцать въ годъ наберется. Ну, не много же! И то слава Богу, гдѣ больше взять, нынѣ промыслы–тѣ не велики! Вотъ онъ и чаю у насъ покушалъ, да еще, благословляя, двадцать пять рублей пожаловалъ, что инно испужались мы съ Митрофанычемъ за такія деньги! И рѣчи все говорилъ тихія, да внятныя, просто пріѣхалъ нежданный, уѣхалъ желанный, словно сонъ какой, что и послѣ–то мы еле–еле опямятовались! Вотъ на селѣ и заговорили, худо–де быть попу, а

дьячка вишь позналъ, что хорошій человѣкъ, и денегъ далъ ему! И услыхалъ это антихристъ–питейщикъ, и ну улещать, ты возьми у меня крупную, сѣренькую, мнѣ мелочь до зарѣзу нужна, а ты крупную–то лучше не потратишь, отдавать же тебѣ ее, какъ по осени сына повезешь, все одно; а мы, вишь, на сынишка–то, чтобы въ семинарію его отдать, давно по грошику копили, это зналъ злодѣй, а какъ владыка подспорилъ намъ, такъ съ пятьдесятъ и набралось; и говорила я своему–то: Митрофанычъ, не отдавай владыкина благословенья, вези его деньги, отъ него пришли, пусть же онѣ идутъ и въ семинарію его, можетъ–статься, онѣ лучше умилостивятъ начальство; такъ нѣтъ, мой–то препростая душа, коли кто больно пристанетъ, такъ онъ, пожалуй, и рубашку съ плечь отдастъ! Вотъ и отдалъ; я нынѣ собралась, надо везти въ городъ сынка, и владыка сказалъ, что надо, и завѣтныя денежки взяла съ собой, да по доброму совѣту роденьки и пошла размѣнять ихъ; а она вишь говоритъ мнѣ: ты такъ не носи, всѣ въ одинъ разъ, можетъ–статься,

говоритъ, и поменьше возьмутъ, а ты размѣняй, да какъ будешь похаживать, кланяться, такъ по–малу и раздавай! Вотъ, пошла, анъ мнѣ купцы говорятъ: не годится бумажка твоя, и не кажи ее въ люди никому, попадешься съ нею!

«Батюшки свѣты! Какъ сказали они мнѣ это, такъ у меня рѣзвы ноженьки подкосились, тутъ я и покатилась у нихъ на прилавокъ! Они ублажаютъ меня: иди, иди съ Богомъ, не вой, бѣду накличешь и на себя и на насъ, а у меня и ногъ нѣтути, какъ я пойду! Вотъ, батюшка, благодѣтель ты мой, и засталъ ты меня горемычную на молитвѣ, въ церкви, а какъ попала туда, и сама не помню! душу всю выплакала, такъ вотъ и тянетъ, хоть руку на себя наложить, такъ впору — вонъ онъ чтъ дѣлаетъ, некошной–то, соблазнитель, а тутъ Божья помочь, да добрые люди: за половину взяли ее у меня, да вотъ половину ты, родимый кормилецъ, жалуешь, и слава тебѣ Господи, знать не безъ добрыхъ людей на свѣтѣ....»

Вотъ съ той–то поры, продолжалъ купецъ, какъ привелъ Богъ видѣть горе это, положилъ зарокъ: когда бы не попалась, по

оплошности, такая бумажка, не пускать ея далѣе, ни за полцѣны, ни во чтѣ, а спалить ее, и вынести убытокъ на себѣ.

IV. Завѣщанье.

Жила въ Казани барыня, извѣстная въ свое время всему городу и, какъ говорится, уважаемая, въ почетѣ; малый и великій, простой и чиновный, всѣ знали ее только по имени и отчеству, и ниже заглазно иначе не называли, а многіе даже едва припоминали прозванье ея; всѣ до того свыклись съ именемъ и отчествомъ Марьи Ивановны, что казалось, другой Марьи Ивановны на свѣтѣ нѣтъ, по крайности для Казанцевъ, а прозванье унесть съ собою въ могилу мужъ ея, безъ котороаго она вдовѣла уже болѣе тридцати лѣтъ. Если спросить Казанцевъ по совѣсти, за чтѣ она была у нихъ въ такомъ почетѣ, то они бы затруднились прямымъ отвѣтомъ, а сказали бы, замявшись: какъ, за чтѣ? Помилуйте, Марья Ивановна? Да спросите кого угодно, кто же ея не знаетъ, самая почтенная барыня, и у нея бываютъ, даже самъ губернаторъ бываетъ, и сама она

всегда украшаетъ собою лучшее общество наше! Живетъ она очень прилично, а Новый Годъ весь городъ у нея встрѣчаетъ, Васильевъ вечеръ съ незапямятныхъ лѣтъ у нея празднуется со сженкою и шампанскимъ. У нея большое состоянiе, мужъ на хорошемъ мѣстѣ служилъ, чистыми деньгами пропасть оставилъ ей, кромѣ двухъ хорошихъ, незаложенныхъ имѣнiй, а она и не затворницей жила, свѣтъ любила съ молоду, да умѣла сберечь и свое принажить. Посмотрите, какъ она и понынѣ еще одѣвается!

Казалось бы, чего Марьѣ Ивановнѣ послѣ всего этого недоставало? Живи да живи въ почетѣ; она и дожила, правда, до изрядныхъ лѣтъ, но пришелъ и на нее незванный урочный часъ, который всякаго изъ насъ застаетъ врасплохъ... новое шелковое платье далеко еще не доѣхало до Казани, какъ уже вялый колокольчикъ подъ дугой тяжелой почты перезванивалъ ей отходную, и саванъ бѣлаго атласа замѣнилъ это платье.

Прямыхъ наслѣдниковъ не было, но боковыхъ, двоюродныхъ и внучатныхъ

много, и ближайшіе скоро съѣхались. Оказалось, что почтенная старушка никого не забыла, а давно уже написала самую подробную духовную, въ которой, между прочимъ, поминалась двоюродная тетка ея, Анна Ивановна Комлева, которой главная наслѣдница и душеприкащица, племянница покойной, должна была переслать «приличную сумму», а сколько именно, не сказано.

Эта приличная сумма долгонько безпокоила наслѣдницу, которая никакъ не могла напасть на такую цыфру, которою бы она сама въ душѣ была довольна. Ей сперва все мерещились тысячи, потому что итогъ полученнаго ею самою наслѣдства безотвязно становился передъ глазами ея, рядомъ съ отыскиваемою приличною суммой; это невольно путало и сбивало ее, и всякое соображенье терялось. Двѣ докучныя цифры эти, одна возлюбленная, другая ненавистная, какъ будто перекачивались передъ нею на вѣсахъ, и только что она, горячимъ сердцемъ, вспомнитъ одну, какъ другая, неизвѣстная, потянетъ внизъ, наслѣдство уходитъ въ

гору, и бѣдную обдастъ мертвымъ холодомъ! Исподволь она стала убѣждаться однако, что все это былъ одинъ только пустой страхъ, и что тутъ дѣло идетъ не о тысячахъ, а много, много о сотняхъ. Да почему же и о сотняхъ? сказала она вдругъ, гдѣ это написано, и съ чего же я, дура, взяла, чтобы Марья Ивановна подарила внучатой теткѣ своей, которой и въ глаза не видывала, такія деньги? сто рублей — это очень приличная сумма, когда ничего не ожидаешь и не въ правѣ ожидать, и болѣе этого сама Марья Ивановна, царство ей небесное, никогда бы ей не подарила; еслибъ она хотѣла подарить ей больше, то почему же бы она не сдѣлала этого еще заживо?

Вспомнивъ однако, что времени прошло много, и что пора бы развязаться съ этимъ дѣломъ, она встала, отомкнула ларецъ, и вынувъ оттуда особо завернутую бумажку, стала ее разсматривать. Эта бумажка, сѣренькая, пятидесятная, досталась покойницѣ при продажѣ шерсти, но сбыть ее она не могла до самой смерти, куда ни совалась, и ея нигдѣ не принимали. Она

отложила ее въ запасъ, до удобнаго случая, надѣясь, конечно, что онъ представится, и вотъ она досталась на долю этой наслѣдницы, которая и въ свою очередь успѣла дознаться, что бумажка не хороша. Это придирка плутовъ нашихъ, купцовъ, думала она, вертя ее въ рукахъ: чѣмъ она не хороша? Бумажка, какъ и всякая другая, и покойница, конечно, приняла ее въ полной цѣнѣ, чему я не виновата. И не долго думавъ, она решила, не только, что именно эту бумажку и должно послать двоюродной теткѣ Марьи Ивановны, по завещаниію, но даже, что этого съ нея будетъ, и что 50 рублей сумма весьма приличная. И бумажка даже не моя, подумала она еще, оправдываясь глазъ на глазъ сама передъ собою, а истинное наслѣдство, по завѣщанію; своихъ денегъ я ей посылать не обязана.

Договаривать ли еще, чтѣ пошевелилось въ душѣ этой стотысячной наслѣдницы, томившейся надъ мыслію, что придется послать тысячу рублей, рѣшившей, послѣ долгой борьбы, что и ста рублей, для успокоенія совѣсти, будетъ достаточно,

убавившей и эту приличную сумму на половину, и наконецъ, замѣнившей и половину подложными и негодными деньгами? А вотъ чтъ: отсылая, наконецъ, эти названные 50 рублей, ни ей самой, ни другому непригодные, она, однакоже, и объ нихъ пожалѣла! Ну, быть такъ, подумала она, все–таки двѣ бѣды сбыла разомъ: и съ завѣщанiемъ развязалась, и худыя деньги сбыла — на совѣсти полегчаетъ!

V. Домикъ на Водяной улицѣ.

Въ опрятномъ, новомъ городкѣ, Елисаветинскихъ временъ, перенесенномъ трижды съ мѣста на мѣсто, въ переулкѣ Водяной улицы стоялъ сильно развалившiйся домишка; половина крыши упала на подволоку, долгое время торчали со стѣны подгнившiя стропила и, наконецъ, пошли на дрова; труба торчитъ высоко, и будто другая половина крыши объ нее уперлась и ею держится; домикъ сильно перекосило, онъ однимъ угломъ ушелъ въ землю; наружныхъ дверей, или затвора при нихъ, не было вовсе, а замѣсто крыльца,

подставленъ былъ подъ порогъ старый ящикъ; огорожи, забора никакого, одинъ заглохшій пустырь, а два столба служили представителями воротъ. Но когда проходящій съ удивленіемъ взглядывалъ на окна, не чая, чтобы хижина эта могла быть жилою, то онъ встрѣчалъ уютныя окошечки, съ оконницами радужныхъ цвѣтовъ, за коими сквозили бѣлыя занавѣсочки и цвѣты, хоть это и были только герань, капуцины и бальсамины. Разъ десятокъ уже, въ разные года, писался на этой черной избенкѣ мѣломъ, аршинными знаками, слѣдующій за тѣмъ годъ, какъ крайній срокъ, до коего развалина эта могла быть терпима, и десять разъ уже непогодье исподволь смывало эту роковую надпись, и все оставалось по-старому. — А чтѣ жь, батюшки, ломайте, говорила тихая хозяйка, когда къ ней приходила полиція съ этою угрозой, ломайте надо мною, я никуда не выйду, мнѣ выйдти некуда, только меня не убейте. — Да лачуга ваша скоро сама вся развалится и васъ убьетъ, говорили ей; но и на это былъ у нея одинъ отвѣтъ: — А ужъ это,

батюшка, Божья воля, съ Богомъ не поспоришь.

Къ развалинамъ этимъ мѣстные жители давно привыкли и по временамъ заходили только въ переулокъ взглянуть на нихъ, стоятъ ли еще и самыя стѣны. А въ свое время жители вновь заложеннаго города и всей окружности его, казаки, Башкиры, Татары, Киргизы, сходились дивиться на домъ о пяти окнахъ, который казался имъ палатами. Закладка города началась глубокимъ окопомъ его, для защиты отъ внезапныхъ набѣговъ, и одинъ только окопъ этотъ удержалъ въ свое время и Пугачева: разбойники берутъ расплохомъ и на приступъ не ходятъ. Итакъ, жители и полудикари сходились въ былую пору дивиться на одинъ изъ первыхъ порядочныхъ домиковъ новой крѣпости, съ крылечкомъ подъ рѣзнымъ навѣсцемъ и другими причудами и украсами. Это было жилье капитана, правой руки коменданта, нѣкогда одного изъ чудо–богатырей Суворова; у него все дѣлалось мигомъ, какъ въ сказкѣ у Ивана–царевича, и мигомъ у него домикъ поспѣлъ, куда пріютить надо

было молодую жену, которая жила дотолѣ въ стоявшей невдалекѣ киргизской кибиткѣ. Но онъ не далъ повершить и покрыть своего дома, покуда не была повершена единая въ окружности сотенъ верстъ церковь. На робкое замѣчаніе жены, что ребенку, Аннушкѣ, становится холодно въ кибиткѣ, что зима на дворѣ, а она здѣсь, говорятъ, бываетъ суровая, кибитки горой заноситъ снѣгомъ, на это онъ отвѣчалъ стихомъ псалма, громкимъ, твердымъ, но теплымъ голосомъ: «Не взойду въ шатеръ дома моего, доколѣ не найду мѣста Господу, жилища крѣпкому Богу Іакова!»

И ударило клепало, и загудели колокола, раздался первый благовѣстъ надъ Яикомъ–рѣкой, звонъ, котораго мѣстные народы не слыхивали и дивились ему, широко разинувъ ротъ. Звономъ этимъ сказалась охрана Господня надъ всею обширною страной, а сила русская вторила ему гуломъ пушекъ.

«Здравствуй трижды зачатая, единожды рожденная твердыня, русскій городъ: вѣкъ стоять тебѣ покровомъ и оплотомъ и ширить могучія крылья свои!» Такъ

проговорилъ капитанъ звучнымъ голосомъ, перекрестясь и кланяясь на всѣ четыре стороны. «Ну, матушка–сударыня, сказалъ онъ, пришедши домой, вотъ теперь чередъ и нашу крышу крыть.» И это дѣло мигомъ у него поспѣло, и крыша, съ рѣзнымъ гребнемъ, со шпилями на немъ, съ конями по концамъ конька, была такимъ же дивомъ для кочевыхъ дикарей. Бьютъ скотъ за раскатами крѣпости, быковъ для Русскихъ, лошадей для Башкиръ, барановъ для Киргизовъ, будетъ туй, пиръ про весь міръ, капитанскій домъ святять. Капитанша съ утра нарядилась въ шелковое фуро, установивъ прическу въ полъ аршина, убрала голову шелковымъ бѣлымъ флеромъ съ серебряными мушками — и снуетъ хозяюшкою по–дому и по стряпущей; въ кибиткѣ, супротивъ входа, на коврѣ, Иванушка, прозванный Скобушкою, любимый денщикъ капитана, присѣвъ на корточки, охорашиваетъ Аннушку, доченьку его; онъ повязываетъ ей на шею жемчуги; подскочивъ на–ноги и разводя руками, онъ вскрикиваетъ: «Ну, вотъ, теперь настоящая бригадирша! Выростешь

велика, право слово, за бригадира отдадимъ, а ниже ни ступени!» Дѣвочка стрѣлой пустилась въ новый домъ.

Молебенъ съ водосвятіемъ кончился, полковой священникъ окропилъ весь домъ, даже всходилъ съ хозяиномъ на крышу, и стоя тамъ, на нарочномъ помостѣ, сказалъ: «миръ надъ домомъ симъ!» Поклонясь ему въ поясъ, капитанъ тутъ же прибавилъ громко: «Храни его Господь отъ огня и воды и всей силы вражеской — стой на вѣкъ нерушимо!»

И простоялъ онъ съ Елисаветинскихъ временъ до нашихъ, какъ мы сами его видѣли и какъ выше описали. Въ это время жила въ немъ одинокая безпризорная старушка, маленькая и худенькая: вотъ она, укутанная съ головы до ногъ въ старый драдедамовый бурый платокъ, тихо пробирается по забору къ одной изъ подругъ своего дѣтства! кто бы узнал по ней рѣзвую красавицу, коей весь новенькій Оренбургъ поклонялся, за которую ходилъ денщикъ Иванушка — одинъ изъ храбрѣйшихъ генераловъ нашихъ, у котораго, подъ конецъ службы его, изъ

десяти пальцевъ на рукахъ оставалось только три, ту самую Аннушку Комлеву, которой этотъ доблестный слуга пророчилъ бригадирство? И ничего не могъ узнать объ ней этотъ вѣрный слуга и старый другъ Комлевской семьи, хотя комендантъ Петропавловской Петербургской крѣпости, Иванъ Никитичъ Скобелевъ, и не одинъ разъ писалъ въ тѣ края запросы, не осталось ли–де кого въ живых изъ семьи капитана И. М. Комлева, не была ли дочь его, Анна Ивановна, замужемъ, и нѣтъ ли въ живыхъ хоть внуковъ Комлева? Но отовсюду былъ одинъ, принятый полицейскими письмоводителями отвѣтъ: «таковыхъ на жительствѣ не оказалось». Отзывы эти писались и не читая даже сыскной статьи, а лишь бы отписаться, почему, между прочимъ, у насъ и Людвига Наполеона на жительствѣ не оказалось: послѣ разныхъ неудачъ его и ухода изъ тюрьмы разнесся слухъ, будто онъ хочетъ искать счастія или пріюта въ Россіи; велѣно было дать знать въ пограничныя губерніи, чтобы его не впускать; въ числѣ пограничныхъ считалась и Оренбургская,

куда также дошелъ объ этомъ циркуляръ; губернскія вѣдомости припечатали объ этомъ на отдѣльномъ листкѣ сыскную статью, которая воротилась изъ Троицка или Верхнеуральска съ надписью на оборотѣ: «оный Людвигъ Наполеонъ на жительствѣ въ семъ уѣздѣ не оказался».

Анна Ивановна Комлева была еще подросточкомъ, когда отецъ ея былъ усланъ далеко куда–то, по службе, и пропалъ безъ вѣсти; мать зачахла съ горя; къ сироткѣ пріѣхала на житье изъ Свіяжска тетка матери, своеобычная, безграмотная старуха. «Тебѣ, матушка–сударыня, Аннушка, не подстать знаться съ какими–нибудъ поповнами», говаривала бабушка внукѣ, когда та, на пути съ нею въ церковь, раскланивалась съ сосѣдками; «ты, сударыня, должна родителей своихъ почитать и помнить; батюшка твой, кабы жив былъ, чай бы теперь ужь и бригадиромъ былъ — значитъ, первымъ человѣкомъ въ Оренбургѣ, и тебѣ бы здѣсь ровни не было; да и матушка твоя, царство ей небесное, не изъ мелкой сошки какой, а столбовая была, родъ нашъ въ золотой

книгѣ писанъ, а книга эта въ царевыхъ покояхъ лежитъ, подъ алымъ бархатомъ», — и въ подобныхъ поученіяхъ заключалось все умѣнье бабушки воспитать внучку свою. Къ счастію, добрая природа Аннушкина понимала наставленія эти по-своему: страстно любя родителей своихъ, смышленая, остроглазенькая дѣвочка все это относила къ нимъ, а сама оставалась все тою же; каждое подобное слово вызывало въ памяти ея облики отца и матери, коихъ она помнила, его — в шитомъ золотомъ мундирѣ, отдающаго громкимъ голосомъ приказанія, а ее — величавою женщиной, въ априкосовомъ объяринномъ платьѣ съ долгимъ хвостомъ, въ жемчугахъ и алмазахъ; дѣвочка жадно слушала почетъ и хвалу отцу и матери, каріе глазки ея разгорались, высоко подымалась головка ея, и въ сердцѣ не было ровни родителямъ ея. Такъ она росла и расцвѣтала въ простотѣ сердечной, бабушка пріискивала ей въ женихи ровню, чтобы не постыдить роду-племени, а время уходило, и когда старушка закрыла глаза, то большая часть имѣнія была прожита, и Анна Ивановна, съ

вѣрною служанкой своей увидѣли себя въ крайней бѣдности; тогда добрые люди вспомнили о пенсіи, одинъ чиновникъ взялся было хлопотать объ ней, забралъ всѣ бумаги, какія нашлись, доѣхалъ до Казани и померъ. Прошли годы, и десятки лѣтъ, Анна Ивановна состарѣлась, обнищала вовсе, домишка обветшалъ, но сама она окрѣпла духомъ и умудрилась сердцемъ; она, въ тяжкой долѣ своей, научилась искать утѣшенія у Того, Кто призываетъ всѣхъ удрученныхъ, и въ совѣсти ея развились и окрѣпли всѣ житейскія правила должнаго и недолжнаго. Всякое хорошо и худо сказывалось в сердцѣ ея безсознательно, и не умничая, следовала она этому голосу. Продавъ исподволь материнскіе жемчуги и алмазы — о коихъ, впрочемъ, было болѣе славы чѣмъ цѣнности въ нихъ — она жила, одному Богу извѣстно какъ; находились скромные датели, умѣвшіе безобидно надѣлять нищую, которая никогда и ни у кого не просила. Выѣдеть бывало помѣщикъ на поля свои, поглядитъ на золотую пшеницу, коей колосья грузно колышатся вѣтромъ —

весело глядѣть ему на это золотое море, тепло и радостно станетъ на душѣ — Господи, скажетъ онъ, перекрестясь, двадцатую долю урожая отдаю на неимущую братью! Позднею осенью потянулись обозы съ хлѣбомъ въ городъ, смотришь, одинъ возъ отдѣлился на Водяную улицу заворачиваетъ въ переулокъ, и прямо на разгороженный дворъ, при записочкѣ: не побрезгать домашнимъ гостинцемъ отъ старой пріятельницы; тутъ шлютъ и другіе разные припасы, чтъ можетъ сохраниться на зиму, а другой добрый человѣкъ, простой, необоротливый хозяинъ, котораго имя и понынѣ носитъ подгородная роща, шлетъ запасецъ дровъ и еще самъ забѣжитъ украдкою на открытый дворъ, взглянуть, есть ли полно еще у Анны Ивановны топливо, и не растаскали ль его сосѣдніе Татарчата. Затѣмъ, были у нея еще и козы, кои, по мѣстному обычаю, шатались зиму и лѣто по городу и слободкѣ, не требовали корму, а на ночь приходили домой: онѣ кормили хозяйку молокомъ и приносили ей

свой пухъ, изъ котораго старушка прилежно вязала цѣнные платки и косынки.

Но и въ эту пору нужды и горя Анна Ивановна, по большимъ праздникамъ, являлась чинно и степенно въ устроенную отцомъ ея и украшенную прикладами матери ея церковь: благовѣстъ раздался, она встала, за третьимъ ударомъ перекрестилась, вышла, осторожно ступила съ порога на ящикъ, чтобъ онъ не покачнулся подъ ногами, а съ него на–земь — и вотъ она пошла мѣрнымъ шагомъ, въ голубомъ объяринномъ платьѣ своей матери, которому уже за полвѣка, въ коричневой, мелкотравчатой епанечкѣ, съ высокимъ и широкимъ черепаховымъ гребнемъ, подъ бѣлымъ шелковымъ флеромъ, завязаннымъ подъ бороду; всѣ съ уваженьемъ смотрятъ за нею вслѣдъ, она чинно раскланивается со знакомыми, степенно принимаетъ приглашеніе на чай, и продолжая путь свой, набожно входитъ въ церковь, гдѣ становится на колѣни передъ матернею большой иконой и уже болѣе не слышитъ и не видитъ нечего, до самаго конца службы.

При выходѣ изъ церкви, одинъ, потомъ другая, тамъ третья, подходя къ Аннѣ Ивановнѣ, съ участіемъ и осторожно стали спрашивать ее, можно ли поздравить ее, будто бы–де она получила какое–то наслѣдство, отъ двоюродной племянницы, изъ Казани. Старушка съ достоинствомъ дивилась такому слуху; увѣряя, что ничего о томъ не знаетъ, но придя домой, встрѣтила выбѣжавшую къ ней на улицу радостную служанку, съ почтовою повѣсткой на 50 рублей. Наслѣдство небольшое, но при этой нищенской бѣдности, оно показалось Аннѣ Ивановнѣ громаднымъ богатствомъ. Вскорѣ избушка наполнилась доброжелательными поздравлениями, и старушка, ставъ разговорчивѣе, беседовала о нуждѣ своей, о нежданномъ пособіи, и о томъ, какъ она вычинитъ провалившуюся крышу свою и промшитъ къ зимѣ всю лачужку, совѣтуясь о возможности выжеровить ушедшій въ землю уголь и повыпрямить перекошеный полъ.

Молва объ огромномъ наслѣдствѣ Комлевой, которая разнеслась, какъ всѣ

новости и вѣсти, съ почты, все еще кружила по городу въ разныхъ видахъ, когда уже въ лачугѣ этой богатой наслѣдницы дѣлалось совсѣмъ иное: тамъ опять было нѣсколько близкихъ ей людей, пришедшихъ порадоваться нежданному счастію и сидѣвшихъ повѣся носъ, въ недоумѣніи, чтъ говорить и совѣтовать хозяйкѣ, и чѣмъ ее утѣшать. Бумажка оказалась негодною; это была та же самая сѣренькая, которая стряпалась подъ проклятіемъ бабушки, ушедшей скитаться по міру изъ родной избы, та же самая, которая досталась было дьячихѣ, и отданная за полцѣны, дошла воровски до Марьи Ивановны. въ Казань, а теперь, черезъ племянницу ея, какъ приличная сумма, досталась бѣдной Комлевой.

Поздно вечеромъ, при нагорѣлой свѣчѣ, Анна Ивановна сидитъ задумавшись со злыдарною бумажкой въ рукѣ; не послушалась она совѣта попытаться спустить ее за полцѣны, и также сама разсудила, что писать объ этомъ въ Казань будетъ напрасно: кто докажетъ, эта ли бумажка вложена была въ обертку, или ее

подмѣнили тутъ или тамъ на почтѣ, или наконецъ, у нея въ рукахъ? Сколько людей тутъ попадетъ въ допросъ, а можетъ–быть и хуже того, коли дѣло пойдетъ по суду – пусть же злое дѣло потонетъ на вѣки; жила я доселѣ безъ этихъ денегъ, проживу и впередъ, Богъ не оставитъ.

Въ сумрачной избушкѣ вдругъ вспыхнуло яркое пламя, и зарево слегка освѣтило улицу сквозь широкія щели ветхихъ ставень; человѣкъ, стоявшій у воротъ насупротивъ, подошел взглянуть, не загорѣлось ли чтѣ у Анны Ивановны, но убѣдившись что тамъ все тихо и покойно, побрелъ опять на свой дворъ. Ржавые съемцы погасили огарокъ, три земные поклона закончили день этотъ, все затихло въ лачужкѣ, и горе–горькая обиходная жизнь водворилась въ ней по старому порядку – хотя уже не на долго: елей догаралъ.

VI. Развязка.

Въ тюремной больницѣ метался на кровати горячечный и все лѣзъ на полъ, для

прохлады; при немъ сидѣлъ сердобольный товарищъ, уговаривая и удерживая его.

— Баушка, родимая, бредилъ больной, — стой, баушка, ты не надѣвай сумы, не кляни ты меня, грѣшно, охъ тяжело, глиной завалили меня, душатъ все, огнемъ палятъ, это злодѣй мой, цеховой вишь, вонъ онъ, вонъ опять жару въ полѣ прнесъ.... Баушка, по локоть обѣ руки себѣ отрублю.... и рванулся опять съ кровати.

— Ты лежи, лежи, уговаривалъ его другой, — лежи, читай Богородицу, легче станетъ; Божья воля, надо терпѣть, что я, что ты, понапрасно сидимъ, да чтѣ дѣлать? тебя подвели недобрые люди, подсунули окаянную бумажку, и надо мною тотъ же грѣхъ случился; дѣлать! кто ее сдѣлаетъ, какъ ее сдѣлаешь! Отвѣчать мы съ тобой Богу будемъ, ты не бось, онъ разберетъ все, до ниточки; а тутъ, стало быть, надо умирать намъ въ нуждѣ, въ мукахъ....

— Глиной задушили меня, огнемъ тотъ палитъ, продолжалъ въ бреду первый, болѣзненно искорчивъ лицо и порываясь вывернуться: — ты вздохни, вздохни, баушка, тяготу съ меня сыми, ну.... въ

церковь? пойдемъ, и меня возьми съ собой, я ведь Мишутка твой, знаешь? подъ глиной–то ворохнуться нельзя, задушило...

Такъ сошлись въ острогѣ злыдарный Михайла съ тѣмъ несчастнымъ мужикомъ, который продалъ барский скотъ на торгу и вымѣнялъ у проѣзжаго роковую сѣренькую: Михайла увѣрялъ всѣхъ, что попался за чужой грѣхъ съ бумажкой, которую ему подсунули, и тотъ вѣрилъ ему, нисколько не подозрѣвая, что самъ сидитъ за дѣло своего товарища! Послѣ двукратнаго покушения на самоубійство, Михайла впалъ въ горячку; ночное пламя, вспыхнувшее въ бѣдной оренбургской лачужкѣ, разрѣшило бабушкино проклятіе: Михайла испустилъ духъ на рукахъ у товарища, который страдалъ за него, не подозрѣвая въ немъ своего злодѣя. Уничтоженіе роковой бумажки, смерть въ острогѣ одного изъ дѣлателей ея и пропажа безъ вѣсти другаго, какъ будто развязали все дѣло, и бѣднякъ, утѣшавший Михайлу, какъ умелъ, въ смертный часъ его, былъ также напослѣдокъ освобожденъ.

В. ДАЛЬ.